

Валерий
Скобло

ЗВЕНЬЯ ПАМЯТИ

* * *

За час перед рассветом
такая тишина,
Что вслед за Фицджеральдом
прошепчешь: Ночь нежна...
Лишь кони вороные
пасутся за окном,
Когда она вступает
в твой опустевший дом.
Все двери открывает
невидимым ключом,
И мантия из мрака
клубится за плечом...
О Господи, какую
мы чушь несем, когда
На кухне за стеною
в трубе вздохнет вода,
И этот всхлип протяжный
на грани полусна
Сожмет в ладонях сердце, –
и шепчешь: Ночь нежна...

НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Памяти матери

Не знаю, как случилось это чудо,
Но ты узнала: завтра будет Судный
День гнева и печали.
И начнется
Война. И сын, и муж погибнут,
И сгинет мать в водовороте смерти.

И сам Господь, еврейский бог отмщенья,
Сгорит в огне тревлинской круговерти.
...Июньский ветерок влетает в окна,
Ночной оркестр играет тише... тише...
А на страну и город наплывает
Горячее дыхание рассвета...
Но встретить надо этот день достойно,
И ты прошепчешь, сдерживая слезы:
Любимый!..
Город может спать... Спокойно...

* * *

Жизнь ничему не научит. О, нет!
Нет в ней зарубок и меток.
Главное в ней – исцеляющий свет
В самом конце... Напоследок.

Я не о смерти, совсем не о ней!
Порваны памяти звенья.
Чашу с напитком божественным пей,
Сладкую чашу забвенья,

Горькую, словно с цикуты настой...
Что тебе память былая? –
Если все ярче горят над тобой
Звезды чужие, пылая.

Делаешь шаг, в сердце – трепет свечи,
С болью, надеждой, тревогой –
Черной, как бархат... горящей в ночи,
Самой последней дорогой.

ПЕСНИ

*Белоруссия родная,
Украина золотая...
Из песни*

Мне отец напевал,
когда я еще маленьким был,
О родной Белоруссии,
об Украине златой...

Пролетело полвека,
и слова я почти что забыл,
И совсем уже не к кому мне обратиться:
Допой...

...И еще о картошке,
которая есть идеал
Пионеров, о синих ночах и кострах –
Это разные песни,
но так я их перемешал,
Что одною всплывает
в моих перепутанных снах.

Странно то, что отец
не стремился вернуться туда,
На отстроенный Витебск
хотя бы туристом взглянуть.

...Или он уже знал,
что нельзя ничего никогда,
Никогда ничего из того,
что случилось, вернуть.

Я тем более вряд ли
у новых республик в долгу,
И не должен, вообще, никогда...
никому... ничего.

...Потому и обидно,
что я возратить не могу
Ничего из отцовских долгов
Беларуси родимой его.

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ

Ольге

Лето. Цветенье айвы и слив...
Я чувствую в сотый раз,
Как мир прекрасен и несправедлив,
И создан совсем не для нас.

...Да, этот мир цветущ и жесток,
Да, он прельщает нас,
И, пусть он похож
На прекрасный цветок,
Но правильный путь – отказ.
А век – он жестокий, железный век,
И нету в нем правды большой,
А я – лишь маленький человек
С больною и слабой душой.
Но, что бы еще не случилось с тобой,
Какая б ни выпала масть,
Помни: лишь только страданье и боль
Душе не дают пропасть.
И, пусть у каждого правда своя,
А общая – лишь иногда,
Я знаю правду о том, кто я,
Откуда иду и куда.
...Налет случайности с мира сотри –
И будет совсем беда...
А скажет время: «умри!», – умри!
И скажет: «убей!», – умри!..
Но не убей и тогда.

* * *

По узорчатой ткани бухарских ковров,
по которым я пальчиком в детстве водил,
выходило мне долго, запутанно жить...
Если я до сих пор
жив и, вроде, здоров,
то, наверно, поскольку ковровая нить
пролегла в этом городе братских могил,
где нашел я пристанище,
близких и кров,
а лишился удачи, надежды и сил...

Если есть в этом мысли подобие, то
не о том, что за все надо в жизни платить,
а скорее о том, что и жизнь – это дар,
но и смерть придается,
как шляпа к пальто,
точно молния летней грозе и пожар.
Это все пустяки, суэта, ерунда –
поиск рифмы дурацкой,
как в школьном ЛитО...
А напрасно –
расплата найдет нас всегда.

* * *

Постой... послушай меня:
 это только на первый взгляд
 Жизнь подходит к концу,
 это так... пустяки... детали.
 Встречи и проводы –
 это не более, чем обряд,
 На самом деле,
 мы с тобой здесь всегда стояли.

Ну, посмотри: справа Казанский,
 слева – Спас на Крови,
 Вдоль времени замершего
 мы проносимся мимо.
 Ты разве невскому ветру подскажешь:
 останови
 Воду в канале, текущую неумолимо?
 В этом нет боли и горечи,
 даже пусть навсегда
 В какой-то недобрый момент
 ветер расцепит руки...
 Время – такая субстанция,
 что нанести вреда
 Оно и не может, чужды ему эти штуки.

На самый худой конец,
 мы пройдем по нему назад
 До этой минуты,
 когда мы стоим у канала...
 Рядом торгуют матрешками...
 ветер рвет флаги над
 Прошлым и будущим...
 вечностью, что не настала.

* * *

Вдруг проснувшись, одеться,
 нащупать ключи...
 Под ногой пропоет половица ...
 Выйти в сад,
 где из замершей, сонной ночи
 Смотрят яблонь знакомые лица.
 Рассыхается дом,
 доски слабо трещат,
 Сердце бьется томительно часто...

Избавляется память
 от влаги утрат,
 От ненужного больше балласта.
 Как хорош этих листьев
 и веток прибой
 Весь серебряный
 в лунном свеченье...
 Отчужденно взгляни
 прямо перед собой:
 Дом не твой,
 да и сам ты ничейный.

Переплавленный ветром
 и светом луны,
 лес почти что живой за забором,
 Так понятный
 до самой своей глубины,
 На тебя смотрит с явным укором.
 Потому что тебе на его красоту
 Наплевать... И кончается лето.
 Ты уходишь... уже заступил за черту,
 Стал чужим, и он чувствует это.

* * *

Я сто раз соврну тебе, если будет надо –
 Ни совести нет у меня, ни стыда.
 Слова разбрелись, как чахлое стадо
 По пустынной местности
 между «нет» и «да».
 Дело, собственно, идет о жизни и смерти.
 Ну, до правды ли здесь? – подумай сама...
 Я гляжу в окно: в снеговом конверте
 Кружит чистая правда и сводит с ума.

* * *

Вот и подходит к концу
 наше плаванье. Здравствуй, разлука!
 Парусник в медленном дрейфе...
 Не слышно ни всплеска, ни звука.
 Берег последний, извилистый
 самого дальнего края

мимо, пылая, плывет,
под косыми лучами сгорая.

Как не похож этот край
на все то, что нам мнилось когда-то.
Мы не могли и представить
такого с тобою заката.

Скоро дневное светило
погрузится в темные воды,
не обещая подняться
с другой стороны небосвода.

Вечные дальние земли...
поистине темные земли.
Нету в душе ничего,
кроме шепота тихого: Внемли...

* * *

Я скоро уйду в другие края,
За тонкую складочку бытия,
И не оглянусь назад.
Надеюсь увидеть тот берег реки,
Где нету страдания, шаги легки,
И дивный эфирный сад.

Я прожил столько напрасных лет,
Что мне уже в тягость весь этот свет
И не страшит переход.
Предателей видел без счета здесь,
Я предан стократно и продан весь...
Наверное, я – урод.

Ведь те, кто назвали юдолью слез,
Делали это, поди, не всерьез,
Не стоит им верить, сынок...
Зачем я стану тревожить вас,
Я для себя другое припас:
Легкий, утлый челнок.

Его оттолкну в тугую струю,
Сам примощусь на самом краю,
Прощай же, земля утрат.
Весло надежно, крепка рука,
Река глубока, и боль глубока,
И я не смотрю назад.

* * *

Да, я – лодырь, лентяй и бездельник,
Есть такой от рожденья порок.
Мне – что пятница, что понедельник:
Все едино – плюю в потолок.

Я – Емеля, лежащий на печке,
Ждущий чуда за ломаный грош.
Все коровы мои и овечки
Разбежались, и их не найдешь.

Я – пастух распропащего стада,
Жизнь разбивший на сотню кусков...
А вся гордость моя и отрада –
Пара наскоро сшитых стишков,

На живую прилаженных нитку...
Я не знаю судьбы и пути.
Утром я выхожу за калитку,
Позади – хоть шаром покати,

Плачут в доме голодные внуки...
Ну, а я в магазин – ни ногой.
Но мне явлены чудные звуки
И словесный убор дорогой.

Впрочем, кажется, это из Блока...
Где уж нам-то – упорным трудом?
Говорил же, что я – лежебока:
И сопру – не измучусь стыдом.

Я не ведаю чисел и сроков,
Знаков судеб и тайны времен,
И каким сочетаньем пороков
Стихотворец бывает рожден.

* * *

Внимательно смотрит в окошко
На местность, что сверху видна.
На кухне жена и окрошка...
Окрошка... тарелки... жена.

Но мысль, что вот жизнь промелькнула,
Считает он пошлой... вполне.
На спинку фигурного стула
Оперся... Что видит в окне?

Внизу – ни куста, ни былинки,
Скамейка... забор... старики.
Из краешка глаза слезинки
Всем смыслам текут вопреки.

Не в жалости дело, конечно –
Себя не жалел... Никогда...
Представить ужасно, что вечно
Могло быть житье... Ерунда.

Он смотрит... и плачет невольно:
Какой утомительный вид.
О, Господи, как это больно!..
Вот чайник сейчас закипит.

По радио: сушь и пожары,
И скудные будут хлеба...
Но все пересилим... не бары.
Окрошка... тарелки... судьба.

* * *

Как там дальше жила Навсикая,
Когда высохли слезы в глазах?
Ей дарована участь какая?
Заменил ли отца Телемах?

Приходили ей мысли о Кирке –
Я представить себе не могу –
В ежедневной бессмысленной стирке
На пустынном уже берегу?

Впрочем, это неважно... неважно...
Это все неподвластно уму.
Одиссей правит парус отважно,
Опасаясь взглянуть за корму.

Что за музыку слышит в тумане,
В плеске волн за скрипучим бортом?
Сколько раз, уличенный в обмане,
Думал он, что не будет «потом».

Громко вскрикнув:
На помощь, Афина!
И мечом ударяя о медь,
Что он видел: богиню? дельфина?..
Что он видел? – Паллада, ответь!

Я и сам из такой же породы.
Сколько было любовниц и жен? –
Промелькнули летящие годы –
Позабыл я, в себя погружен.

Нет предательств, обид и обманов...
Я ловлю дальний голос трубы...
Чутко слушаю гул барабанов
Своей собственной страшной судьбы.

* * *

Не скажу, чтобы чувствовал глиной
Я себя в чьих-то жестких руках.
Жизнь была утомительно длинной,
Но без мысли: из праха во прах.

Никогда вечный мой собеседник
Не сменил тихий голос на крик.
В этом смысле не только посредник
Вам бормочущий вирши старик.

Эта страсть рокового накала,
Эта сила, как тока удар,
Приходила ко мне, покидала...
Но я знал – для чего этот дар.

Устоять бы: в последние годы
Не молить об отсрочке конца...
Ощущая безмерность свободы
И упрямую волю Творца.

* * *

Я лет тридцать пять – как сирота.
Как и большинство людей
на белом свете.

Мысль увидеть мать с отцом проста
И наивна. Мы уже не дети.

Как я есть – признаюсь – атеист,
Не питаю я надежд на встречу.
Господи, я Твой покорный лист –
(Думаешь, себе противоречу?)

Перед тем, как выбросить и смять,
Испиши Своими письменами,

Чтоб хоть на мгновение сиять
 Тайными Твоими именами.

Мать с отцом не поняли б меня,
 Как и я не понял их когда-то.
 Сознаю, что встреча «там» – фигня,
 Дважды в год... когда их смерти дата.

Дай им тайный знак, о, Боже мой!
 Чтоб не ждали... хоть ударом грома.
 Мне заказан путь к Тебе домой...
 Для меня, я знаю, нету дома.

* * *

Господи, что там за серая мгла
 за моим окном?
 Это зовется у нас
 поздняя осень... зима?..
 Утром встаешь –
 думаешь лишь об одном:
 Не угасить бы лампаду,
 да не угаснет сама.

Сослепу ткнешь ненароком
 пальцем в зрачок,
 Видно, живой еще,
 если почувствовал боль.
 Жалостный голос услышишь:
 «Искру извлек, дурачок?
 Способ другой
 не придумал попроще, что ль?»

Шаря руками, навстречу словам иду,
 На выключатель нажать
 я не осмелюсь, нет.
 Господи, что же они там имеют в виду,
 Не подключая
 на полную мощность свет?

Белого света
 хватало ведь раньше на всех? –
 Маешься так, что вот и вопрос извлек.
 Нету прямого ответа,
 слышишь в ответ смех –
 Как колокольчик серебряный...
 чистый, как ручеек.

